

Александр
ГОЛОВКО

Герой
вечного
времени

12+

Александр Власович Головкин

Герой вечного времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50712325

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99472-0

Аннотация

Книга художественно-документальная, написана по материалам наследия великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Сюжеты развиваются в наши дни, переплетаясь в невероятные события, с участием автора бессмертного романа "Герой нашего времени" и новых его друзей в 21 веке. В романе рассказывается о малоизвестных страницах жизни Лермонтова – детстве, службе на Кавказе, творчестве, дуэли. Роман, несмотря на обилие документальных материалов, представлен жанрами в стиле фэнтези, детектива, мистики. Читается с интересом, познавательно, с любовной интригой и неожиданной развязкой.

Содержание

От автора	5
ЧАСТЬ 1. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	8
Покушение	9
В эмпиреях	16
Сошествие	32
Адаптация	44
Новая реальность	53
В парке	70
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Головки
Герой вечного времени

От автора

*К чему Творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..*

Михаил Лермонтов

Лермонтов – герой вечного времени

Несмотря на то, что книга написана в жанре фэнтези, в ней живёт правда, искренность и безмерная любовь к Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

В качестве главного героя я не смог найти альтернативы любимому поэту, потому что лучше и раньше других он описал Кавказ, трудную и долгую войну за присоединение этого края к Российской империи.

Юный Михаил ходил и ездил по этим дорогам, бывал в наших благословенных местах, здесь горел творческим огнём, мечтал и страдал. Из Пятигорска выезжал на войну и возвращался на Воды. Думается, что для него это было не просто место для лечения, но гораздо что-то большее. Он встречался с друзьями, однополчанами, здесь на него сниходило вдохновение, которое выплёскивалось в необыкновенные стихи...

Здесь он и упокоился навсегда. Мы с любовью храним о нём память, и потому с полным основанием можем считать

его нашим кавказским поэтом.

В своё время командир «летучей сотни» Руфин Дорохов высоко ценил воинскую отвагу поручика: «Славный малый – честная прямая душа – не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то чёрное предчувствие мне говорило, что он будет убит...»

На Кавказе Лермонтов побывал ещё в детстве. 14- летний Мишель действие своей поэмы «Кавказский пленник», в отличие от Пушкина, перенёс на Терек, реку, разделившую череду казачьих станиц – на левом берегу, а чеченские аулы – на правом.

Без натяжки можно сказать, что Кавказ стал его второй родиной после Тархан. Множество дум испытал, молодой, пылкий и страстный, но уже зрелый духовно поручик Лермонтов. Он посвятил этим благословенным краям свои невероятные эмоции.

Сколько людей любили его, сохранили свои воспоминания, сколько поэтов посвятили ему проникновенные строки. Не случайно Расул Гамзатов в своём стихотворном послании Ираклию Андроникову написал такие строфы:

«Пока петух не пропоёт три раза,
Давай, Ираклий, рядом посидим,
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О подвигах давай поговорим.
Не скажем о Ермолове ни слова
И предпочтём ему, как земляка,

Опального и вечно молодого
Поручика Тенгинского полка».

Куда ни кинь, на Кавказских Минеральных Водах – всюду
памятные места, связанные с Михаилом Юрьевичем.

Это и подтолкнуло меня на столь необычный экспери-
мент, представленный в книге.

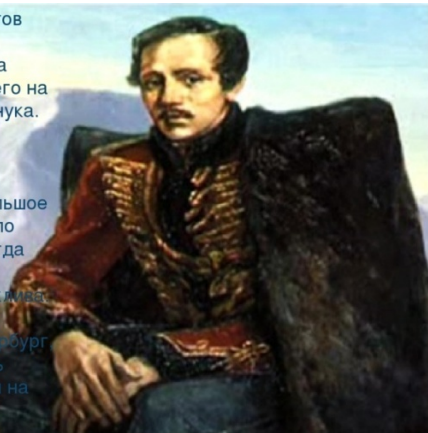
Ну а всем не лишне будет пройти ещё раз по лермонтов-
ским местам.

Прошу читателей присоединиться к этой своеобразной
игре, подключить свою фантазию и представить, чему в со-
временной жизни удивился, порадовался бы наш общий лю-
бимец. Или, возможно, огорчился бы...

Со своей стороны могу пообещать, что во время проче-
ния повести читателю скучно не будет.

ЧАСТЬ 1. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

1 Впервые Михаил Юрьевич Лермонтов побывал на Кавказе шестилетним ребенком, когда бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева привозила его на воды, чтобы поправить здоровье внука. Уже первая поездка из далекого пензенского имения Тарханы, несомненно, оставила отпечаток в детском сознании. Но особенно большое значение в жизни Лермонтова имело посещение Кавказа в 1825 году, когда ему было около 11 лет. Елизавета Алексеевна была небогата и бережлива. Но, зная, что Мишу скоро придется отдать в учение в Москву или Петербург, решила сделать ему подарок, очень щедрый – поездку на Горячие воды на целое лето.

Покушение

Уходя в магазин за продуктами, Станислав Коняев напутствовал друга:

– Михаил, время на раскачку прошло, думаю, теперь они начнут охоту на тебя. Дважды они стреляли из засады, но стрелок оказался никчёмным – не снайпер, теперь могут подкараулить и выстрелить в упор. Надо приостановить наши поездки по городам-курортам.

Не я и наши друзья их интересуют, скорее всего, охота идёт на тебя. Не выходи из дома, смотри телевизор, читай, осваивай компьютер, мобильник, бытовую технику.

– Ты прав, они вычислили меня. Могут попытаться проникнуть сюда, как ты думаешь?

– В мою квартиру проникнуть сложно: домофон, металлические двери с блокировкой, сигнализация. Тем не менее, оставляя тебя одного, должен предупредить: никому, ни под каким предлогом не открывай. Если будут ломиться в дверь, звони мне, Андрею, в полицию. Только у меня и у тебя есть ключи. Вернусь, открою сам.

– Хорошо.

– Закрой за мной дверь.

Выходя из подъезда, Станислав обратил внимание на мужчину в кепке с низко опущенным на глаза козырьком, который находился метрах в двадцати от дома. Чужак попы-

тался добежать, чтобы удержать закрывающуюся дверь, но не успел. Коняев сделал вид, что не заметил его попытку, быстрым шагом повернул за угол подъезда.

Закупая продукты, всё думал о том человеке. Подходя к подъезду, даже не предполагал, что его ждёт. В первом случае близость двери от угла была выгодна ему, теперь же он мог столкнуться с неизвестным лоб в лоб.

У подъезда никого не было. Стас вздохнул с облегчением – у страха глаза велики... Приставил магнитный чип к замку и тот откликнулся знакомой нехитрой мелодией. Дверь открылась, он вошёл в полутёмный подъезд. Слева что-то мелькнуло, тут же последовал удар по голове чем-то тяжёлым. Стас закачался, но устоял, хотя в глазах всё поплыло. И тут же, ощутив резкую боль в животе, начал валиться на стену с почтовыми ящиками. Падая, порвал рубаху, ободрал плечо и руку об острые углы ящиков, но боли уже не чувствовал, теряя сознание.

* * *

Михаилу по душе пришёлся компьютер – умная машина, он с интересом осваивал её программы, хотя многого ещё не понимал. Удивительная, универсальная вещь, что ни пожелаешь, стоит набрать в поисковике – тут же выдаст искомое в нескольких вариантах.

О себе столько узнал за неделю! От рождения до последнего часа. Научные статьи, изыскания любителей, путеводи-

тели по прежним местам, о родителях, друзьях и недругах. Главное, правильно задать машине вопрос.

Оказывается, о нём пишут много позитивного, иногда с горечью, мало – с осуждением, скорее, с любовью и гордостью. Вот и сейчас он открыл сайт, где нашел сведения о давних друзьях и предполагаемых соперниках. Их характеристики, в основном, были точны, но кое с чем он бы поспорил.

Увлёкшись чтением, Михаил вздрогнул от звонка. Вскочил и кинулся к двери, но, вспомнив о предупреждении Стаса, остановился. Звонок не прекращал свои переливы, это насторожило, потом стало раздражать. Стали стучать, затем послышался глухой голос:

– Вам телеграмма, откройте!

На этот счёт Михаил не получал инструкций. Он отошёл от двери.

«В любом случае, – подумал, – телеграмма не мне, а Стас потом разберётся».

Стук стал невыносимым – колотили теперь ногами. Это уже никуда не годилось. Он достал мобильник и вызвал Стаса. Гудки шли, но абонент не брал трубку.

«Странно!» – забеспокоился Михаил. А в дверь продолжали барабанить. Услышал, как на площадке, наверное, сосед, возмутился:

– Что вы делаете?! Прекратите стучать, не открывают, значит, нет дома!

В ответ послышалось грязное ругательство. На что тот же

голос пригрозил полицией. Раздался глухой удар. Тишина. Крик в сторону его двери:

– Немедленно открывай, всё равно я тебя достану!

Михаил посмотрел на телефон, он отключился, так и не ответив.

«Что случилось со Стасом, – с тревогой думал он, – неужели что-то плохое? Он не должен был отключить телефон. И соседу досталось, надо срочно кому-то звонить!»

Он нашёл номер Андрея, вызвал. Андрей ответил сразу. Михаил взволнованным голосом сообщил о происходящем и спросил: «Что делать?»

– М-м-м... Набери «02», скажи, что неизвестные ломаются в дверь. Я выезжаю.

– Будь осторожнее, Андрей, Стас наказал никому не открывать, но и сам не отвечает на вызов. Боюсь предположить, но опасения самые худшие...

Тем временем, стук прекратился, повисла звенящая тишина. Михаил всё же набрал «02». После слов: «Дежурный слушает!», сообщил, что неизвестные ломаются в дверь, кажется, пострадал сосед, а хозяин квартиры, где он проживает, не отвечает на телефонные звонки.

С его слов записали адрес проживания и предупредили: «Убедительная просьба: ничего не предпринимайте, никому не открывайте, кроме нас. Давайте договоримся об условном пароле. Наш человек скажет э-э... «Полиция, пароль – «Москва – Ессентуки». Договорились? Ждите, скоро бу-

дем!».

Казалось, прошла целая вечность, но вот послышались какие-то возгласы, в дверь постучали и произнесли:

– Откройте, полиция! Пароль – «Москва – Ессентуки».

Михаил чуть помедлил, потом, решившись, разблокировал дверь и открыл замки. Снаружи, действительно, стоял человек в форме и другой – в гражданском, который тут же представился:

– Следователь Полянский. Кто хозяин квартиры? Документы, пожалуйста.

Михаил предъявил паспорт, сказав, что он квартирант и спросил, не встретился ли им хозяин этой квартиры Станислав Коняев?

– Идёмте со мной. Внизу лежит человек в крови, может, это ваш Станислав. Мы вызвали «скорую помощь», но она ещё не приехала.

Спустились с шестого этажа на лифте, Михаил вышел на площадку и от неожиданности застыл. Дверь подъезда была распахнута и подпёрта камнем, чтобы не закрывалась. В углу лежал окровавленный Стас. Рядом стоял ещё один полицейский. Михаил спросил с тревогой в голосе: «Он жив?»

– Пульс есть, но слабый. Лучше его не трогать, сейчас приедет «скорая».

Подступил следователь:

– Вы можете как-то объяснить, что здесь произошло?

– Мне самому ничего не понятно. Я недавно приехал в

Эссентуки к другу, вот к нему, – показал на Стаса Михаил, – мы с ним писатели. Он пригласил меня в свою квартиру пожить на первое время.

Несколько дней он и мои друзья знакомили меня с городами Кавминвод, осматривали достопримечательности. Кстати, я позвонил одному из друзей, он должен сейчас подъехать.

– Если можно, расскажите по существу о сегодняшнем случае, – попросил следователь.

– Нас неожиданно стали преследовать неизвестные. Было уже три покушения, одно – в Кисловодске, другое в Железноводске, теперь вот здесь...

– О причинах догадываетесь? – торопил следователь.

– Не совсем. Похоже, они меня с кем-то перепутали, называют чужим именем, грозят отомстить за, якобы, поруганную честь сестры одного из преследователей.

В этот момент появился Андрей Белавин. Увидев полицейских и лежащего Стаса, побледнел и дрогнувшим голосом спросил: «Он жив?»

Но в этот момент послышалась сирена, и во двор многоэтажки въехала «скорая помощь». Из машины выскочил врач, который бросил на ходу:

– Что тут у вас?

Полицейский указал на Стаса. Врач пощупал пульс, осторожно повернул пострадавшего вверх лицом, держа руками голову. Под животом пострадавшего растеклась лужа крови.

Врач присвистнул:

– Ранен в живот, похоже, ножом, и еще – удар по голове. Но ножа в теле нет. Пульс прослушивается. Срочно забираем! Вера! – он выглянул из двери в сторону «скорой», – готовь укол. Всем отойти!

Андрей и полицейский помогли положить тяжёлое тело Станислава на носилки и поднять в машину «скорой». Завыла сирена, машина рванула с места, оставляя у подъезда толпу соседей и набежавших зевак...

В эмпиреях

*«Моё грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?»
М. Ю. Лермонтов*

Говорят, что жизнь не кончается после смерти, есть душа, она перемещается то ли в рай, то ли ещё куда, где всё благолепно, спокойно, размерено.

Так ли это? Мы можем заглянуть за завесу этой тайны...

Михаил сидел в шезлонге, устало откинувшись и прикрыв глаза. На чистом небосклоне светило ласковое солнце. Он только что завершил капитальный труд – роман о Кавказской войне, её героях и полководцах, судьбах и сложных отношениях людей, о перенесённых страданиях, обретённых и утраченных надеждах, любви и предательстве. Обо всём том, чем наполнена земная жизнь, столь несовершенная и прекрасная.

Работа сложная и, возможно, невыполнимая в прежних условиях, но теперь он располагал в полном объёме любимыми материалами, благодаря бесконечной и всеохватывающей базе данных «Информационного Поля Вселенной».

Лермонтов с удовлетворением вспоминал свой труд, в ко-

тором любовь и дружба противостоят бесчеловечности происходящего на этой войне, где нет ни побежденных, ни победителей. Это столь же естественно и просто, как и гениально.

Он знал обычаи горцев: выносить с поля боя погибших соплеменников, рискуя своей жизнью. Чеченцы во все времена бились с врагом, превосходящим их числом и вооружением. И в черновом варианте своего стихотворения Лермонтов оговаривается «...Из ружей вдруг из семисот, Осыпал нас огонь батальный...».

Но затем увеличил их количество в чистовом варианте своего произведения до семи тысяч в порыве романтики и азарта первого сражения. Но что они могли сделать, будь их даже шесть тысяч, непрофессиональных бойцов-ополченцев, с «кинжалами наголо» кидавшихся против картечи 14 пушек, гранат и цепей регулярной армии солдат с ружьями и штыками?

Следует добавить ещё и то, что и в этом неравном бою чеченцы были верны себе и не нарушали кодекса горской чести: не разили врага острием кинжала и в спину не стреляли.

Яркий пример тому, как по легенде чеченец, имея возможность убить одного из двоих, выстрелил не в Лермонтова, оказавшегося к нему спиной, а в его приятеля декабриста В.А. Лихарева, который, кстати, захоронен тут же на левом берегу реки Валерик, с остальными русскими солдатами, погибшими в бою.

И с грустью тайной и сердечной

*Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет... небо ясно,
Под небом места много всем.
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем...*

Лермонтов вспомнил ещё одно своё стихотворение – «Валерик»:

*«Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили...*

Теперь ему были доступны все материалы по этому периоду. Он нашёл о себе высказывание Руфина Ивановича Дорохова, который вспоминал: «Вообще говоря, начальство нашего края хорошо ведёт себя с молодежью, попадающей на Кавказ за какую-нибудь историю, и даже снисходительно обращается с виновными более важными.

Лермонтова берегли по возможности и давали ему отличиться. Ему стоило попроситься куда, и его желание исполнялось, – но ни несправедливости, ни обиды другим через это не делалось».

В донесении о Валерикском сражении генерал Галафеев отмечает храбрость, проявленную молодым Лермонтовым:

«Он переносил все мои приказания войскам в самом пылу сражения, в лесистом месте, что заслуживает особенного внимания, ибо каждый куст, каждое дерево угрожали всякому внезапной смертью».

Общеизвестная фраза Мамацева (в передаче Потто) о Лермонтове: «Он никогда не подчинялся никакому режиму», – представляется бессмысленной в значении упрёка, но хорошо показывает недоумение армейского артиллерийского поручика, особенно наглядное в случае с восприятием Мамацевым тактической специфики лермонтовского отряда: в бою при Валерике «блуждающее» положение Лермонтова было следствием исполнения существенных обязанностей, умело возложенных на поэта генералом Галафеевым.

Барон Лев Васильевич Россильон, представитель Генерального штаба в отряде Галафеева, квартирмейстер 20-й пехотной дивизии вспоминал: «Гарцевал Лермонтов на белом, как снег коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! – ибо кто же кидался на завалы верхом?! Мы над ним за это смеялись».

За недолгий период своего участия в компании 1840 года поручик Лермонтов, безусловно, многого достиг. Лучшее подтверждение тому – неоднократные представления его к награждению. Согласно реляции от 8 октября 1840 года Граббе Головину за № 166 для Лермонтова испрашивался орден св. Владимира 4 степени с бантом за участие поэта в

бою при Валерике 11 июля. Однако, в соответствии с изменениями, внесенными в представление начальником штаба и корпусным командиром, испрошенная награда была снижена до ордена св. Станислава 3-й степени. И в этом есть противоречие высказывания Дорохова тому, что «начальство нашего края хорошо ведёт себя с молодежью, попадающей на Кавказ за какую-нибудь историю, и даже снисходительно обращается с виновными более важными».

Далее последовал рапорт генерала Галафеева от 9 декабря 1840 года по итогам двух осенних экспедиций в Большую и Малую Чечню с приложением наградного списка и личной просьбой перевести Лермонтова, проявившего в боях против горцев «отменное мужество» в гвардию тем же чином; 24 декабря рапорт командующего кавалерией полковника В.С. Голицына генералу Граббе с просьбой наградить поручика Лермонтова золотой саблей «За храбрость»; наконец, 3 февраля 1841 года Граббе в рапорте за № 76 представляет Лермонтова к награждению золотой полусаблей.

Несмотря на эту последнюю уловку (полусабля, в отличие от испрашиваемой Голицыным сабли, являлась исключительно пехотным офицерским оружием и больше соответствовала с точки зрения высшего петербургского начальства в качестве поощрения поручику Тенгинского пехотного полка), все вышеперечисленные представления, как известно, были отклонены государем.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» («Я к вам

пишу случайно, право...») стало поэтическим документом сражения 11 июля 1840 года в Гехинском лесу (бой при р. Валерик).

В своей исторической достоверности это произведение не уступает сообщениям военных донесений и даже дополняет их рядом важных деталей.

Стихи, в данном случае, являются основанием для суждения о нём не только как о поэте, но и как об «отменно мужественном» офицере, глубоко понимавшем сложность военно-политической обстановки на Кавказе, а также специфику военных действий обеих сторон.

Эти личные качества поручика Тенгинского полка оценивались по достоинству непосредственным начальством в лице «настоящих кавказцев». ^{1*}

* * *

Эти воспоминания были для поэта радостным и знакомым чувством блаженного удовлетворения от завершения работы. Всё те же ощущения, кто знаком с творчеством, как и в обычном состоянии, а теперь в фактическом безвременье.

Они действовали, словно наркотическое вещество, но не оставляли губительных следов ломки. Не подвергаясь увяданию, Михаил блаженствовал от проделанной работы.

Огромное преимущество сохранения памяти до мельчай-

¹ *Ссылки на источники в конце книги.

ших деталей и отсутствие каких-либо болезненных ощущений, тем более, физических страданий, без комплекса неполноценности от физических недостатков. Разве что от долгой работы терялась предельная концентрация внимания, ослабевала острота желания творить.

В таком случае он просто переставал работать, чтобы не делать любимое дело чисто механистически, ведь в минуты творчества приходится проживать все воображаемые действия, пропуская через себя судьбы героев и, как когда-то, давным-давно, страдать и ненавидеть вместе с ними.

Бесконечная глубина ощущений, нюансы полёта души в какой-то мере компенсировали его нынешнее безвременное существование, он забывал, что сам является лишь разумным фотоном, неким сгустком энергии или антивеществом, не таким, как на большой и прекрасной, но несправедливо устроенной Земле...

На Михаила нахлынули и другие воспоминания, мгновения жизни, давно канувшие в Лету. Они незаживающей раной оставались в его душе, являясь единственным связующим звеном с прошлым.

Он вспомнил тот ужасный летний вечер земного и небесного потрясения, в центре которого был волею Провидения. Тогда ещё мало кому известный, но подающий большие надежды поэт, легкомысленно устроил игру с фортуной, отдав себя фактически на заклятие, подставил грудь ещё более легкомысленному созданию – Николаю Мартынову, позволив

прервать свои надежды, творческую зрелость и саму жизнь.

Рана, полученная на дуэли, сейчас неожиданно напомнила о себе, как будто пуля от пистолета друга вновь прошла по его телу. Он содрогнулся.

К душевной боли за долгий срок уже притерпелся. В минуты вдохновения её не замечал, но она являлась неким стимулом для острого восприятия переживаемых событий, населяющих его сущность, будоражила, тормозила и гнала вперёд и вперёд. Боль возвращалась и от усталости, которая делала его живым, страдающим, человеческим.

Как в замедленной киносъемке, о которой тогда он понятия не имел, в мыслях вновь возникла картина: эта паучья развилка дорог у Перкальской скалы на Машуке, лошади, привязанные к кустарнику у оврага, фыркающие и мотающие головами в страхе предощущения грозы. Глупое добродушие собравшихся сотоварищей, событие, обещавшее острые ощущения и не предполагавшее трагической развязки.

Перед глазами вновь всплыл вальяжно сидящий на поломанном кленовом деревце, напоминавшем тонкую лавочку, Васильчиков, суetyщийся корнет Глебов, Мартынов шагал взад-вперёд.

И он – торжественно-молчаливый, задумчивый, с виду совершенно безразличный, рассматривающий, как по берёзке деловито бегут вверх и вниз рыжие муравьи.

Васильчиков явно подыгрывал своему подопечному, а Глебов не вмешивался. Михаил искоса, с усмешкой посмат-

ривал на эту возню, уверенно полагая, что всё это – глупая комедия.

Сколько раз перед ним возникала эта сцена, однако не притупилось ощущение трагизма и собственной вины за нелепое фанфаронство, наплевательское отношение к тому, что решалась его жизнь, а он смотрел, словно со стороны, и позволял чужим ею распоряжаться. Видел это с высоты земных веков, но не мог воспринимать прошлое равнодушно.

Теперь наступил покой, словно некая компенсация за нерастраченный земной потенциал. Создатель подарил ему привилегию творить, и он безмерно благодарен Ему за то, что пульсирует, бьётся ручеёк беспокойной мысли.

Здесь он понял главное, что смерти с кончиной физического тела нет, что в местах, совершенно недоступных для людей, жизнь не заканчивается, а только начинается свободное парение мысли. И если ты творческий человек, то можешь проявить себя в полной мере в любом виде искусства, не ощущая ни времени, ни усталости...

Это на Земле каждый обретает своё направление, получая присущий только ему талант. Теперь же его ничто не отвлекало от полного погружения в любимое дело. В бесконечном поиске он поглощал информацию всего мироустройства Вселенной до мельчайших деталей, не зная усталости, с этим порой и забывался.

Он прикрыл веки. И опять всплыла картина дуэли, с итогом которой уже смирился, но знал, что на Земле с этим по-

чему-то не хотят мириться, люди до сих пор ворошат его прошлое.

Лермонтов ощущал градус их любви и признательности. Этот градус будоражил Высшие силы, а они вновь посылали сигналы людям, которые, в свою очередь, писали поэмы, стихи, монографии в его честь, строили новые версии гibelи.

Ему вдруг остро захотелось объявиться где-то на людной площади и прокричать во всю силу лёгких: «Люди, спасибо за признание моего скромного таланта! Лишь в одном я виноват перед вами – растратил себя так опрометчиво и коротечно!»

Михаил открыл глаза, посмотрел вдаль. На небесных сферах собрались клубящиеся тучи. По его воле они начали составлять картины и, как на слайдах, образуя причудливые образы зверей, деревьев, каравелл, огромных ангелов с крыльями, картины из его поэм «Мцыри», «Демон», романа «Герой нашего времени». Стоило только пожелать и можно увидеть целый небесный спектакль.

Вот появились, вызванные из небытия, герои в античных одеждах, в центре угадывался верховный бог Зевс, рядом с ним – богиня Земли Гера. И дальше целая галерея известных с детства персонажей: образец мужской красоты Аполлон, Афина – богиня мудрости и справедливой войны, Гермес – кузнец и покровитель путников. Внизу, на гребне волны восседал бог морей, брат Зевса Посейдон, а рядом – вы-

ходящая из пены богиня любви и красоты Афродита. Оживали античные истории, их Михаил знал с детства.

Снова прикрыл веки и погрузился в далёкое детство – предмет его неустанных воспоминаний, который был так сладок и дорог. Он мог бесконечно перебирать забытые сюжеты из своей короткой жизни, неожиданно появляющиеся перед глазами, как античные сцены.

Даже не очень приятные моменты в юной поре мы с годами склонны идеализировать, смотреть на них сквозь розовые очки. То, что доводило порой до слёз, теперь казалось всего лишь невинной забавой, шуткой.

Со сверстниками он был заводилой, но иногда перегибал палку, обижал товарищей, и они пытались отплатить ему той же монетой.

Он вспомнил случай с булочками. Будучи неразборчивым в еде с ранних лет, мог съесть за раз достаточно много, чем забавлял друзей. Как-то они разыграли Мишу: после того, как все порядком набегались и проголодались, дети забежали с улицы на кухню. Там кухаркин сын угостил его только что испечёнными булочками.

Секрет в том, что мальчишки без него попросили стряпуху на кухне совершить некую шалость, желая выяснить, кто среди них самый «счастливый». В два изделия вместо начинки с пшеном она положила... опилки.

Съев именно эти две булочки, Миша ничего не заметил, попросил ещё, но друзья стали хохотать, показывать на него

пальцем, хватаясь за живот.

Он долго не мог понять – в чём дело? И тут ему открыли правду, за что он очень обиделся на сверстников, с тех пор перестал есть вне дома.

В этом, как и во всём, ощущалась его жадность к жизни, порой из-за спешки он не обращал внимания на мелочи, на неудобства, боль...

Боль и неудобства преследовали его всегда. С ранних лет он задумывался о несправедливости жизни. Как так: одним всё и сразу – ум, красота, карьера, известность, уважаемые родители, любовь друзей и противоположного пола. А ему – неброская внешность, неизлечимые недуги, в придачу комплекс неполноценности и насмешки окружающих...

Есть некие весы, на одну чашу которых Бог кладёт все недостатки, страдания, неустанные поиски, на другую – талант и умение трудиться до умопомрачения. «Талант и труд – всё перетрут» – гласит народная мудрость. Впрочем, некоторые не хотят трудиться, а хотят получать всё и сразу. Порой они с виду вполне благополучны, но копни чуть глубже, и мерзость полезет наружу...

Тем не менее, такие не убиваются от своей внутренней убогости, живут припеваючи до самой смерти, оставляют потомство и... жалкую память о трудах своих, а, порой, ничего не оставляют, кроме долгов и сожаления при упоминании об усопших.

Михаилу Бог положил на весы много талантов, которые он

в свою очередь спешил реализовать. И делал это, но совершал немало необдуманных поступков, часто экстравагантных и даже злых.

В нём будто сидело два разных человека. Один звал к добру и высоким идеалам, этот человек любил жизнь и людей, обожал искусство. Другой – обиженный судьбой, задавленный болью и нестерпимыми страданиями, толкал на колкости, жёсткие шутки над друзьями, близкими людьми, дорогими сердцу женщинами.

Некоторые утверждали, что Лермонтов в человеческом облике «не совсем человек, а существо иного порядка, иного измерения, заброшенного к нам из каких-то неведомых пространств...»

И тут Лермонтову память услужливо представила случай с Катенькой Сушковой, которая ему нравилась в подростковом возрасте.

Это было накануне её предстоящей свадьбы, которую таким образом он умудрился расстроить, показав жениху, что у него с Катериной якобы есть отношения.

Всячески являя ей свою любовь, которую вначале она отвергала, а он не хотел отступить из-за уязвлённого самолюбия, и так искусно ухаживал за Катей, что она поверила и откликнулась на его притязания. А после расстройтва свадьбы, посмеялся над ней, порвав отношения...

С этой, в общем-то, детской неблагоприятной картиной рисовались и другие. Не зря современница вспоминала: «У

него был злой и угрюмый вид, его чёрные глаза сверкали мрачным огнём, а взгляд был таким же недобрым, как и улыбка, пронзительно впиваясь в человека или сверкая, как удары молний... Трудно было выдержать этот насквозь пронизывающий взгляд, который имел магическое влияние».

Этот чёрный человек сидел в нём и требовал жертв. Михаил, будучи на голову умнее своих незадачливых оппонентов, доводил их до бешенства, отчего слыл жестоким и безжалостным человеком.

Но вот незадача: знавшие близко его люди, не считали его плохим. Они любовью гасили в нём агрессию, которая куда-то уходила, возникала обнажённая сущность подростка: ранимая, глубокая и нежная.

При жизни он также часто удивлял своей умудрённостью многоопытного старца.

Теперь, пребывая в состоянии душевного покоя на фоне божественной природы, моря и гор, равнин и полесья, как в среднерусской полосе, имел возможность творить, осуществляя новые задумки.

Ненароком Лермонтову вспомнилось предание из станицы Червлёной, на что он тогда написал «Казачью колыбельную песню». В хате, где поэт остановился на постой и, услышав песню молодой казачки, напевающей над колыбелью, присел к столу, тут же набросав стихи:

*По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;*

*Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал...*

Находясь там же, Лермонтов написал и стихотворение «Дары Терека», названное Белинским «поэтической апофеозой Кавказа». По строю оно близко гребенскому казачьему фольклору. Волны Терека приносят в дар старцу Каспию «кабардинца удалого» – воина, погибшего на поле боя, а потом и «дар бесценный» – тело молодой казачки, окровавленной жертвы какой-то неизвестной нам трагической любовной истории:

*По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою...*

Дважды повторив формулу о злом чеченце, Лермонтов тогда следовал скорее, народной поэтической традиции, а вовсе не стремился подчеркнуть черту характера извечного противника.

Напротив, в «Бэле» он преклоняется перед «способностью русского человека применяться к обычаям тех народов,

среди которых ему случается жить», о чём он позже (и более подробно) рассказывает в очерке «Кавказец».

У него постоянно роились мысли, перескакивая с одной на другую, ведь при жизни осталось много незавершённого, появлялось желание изменить, восполнить пробелы, найти правду, докричаться до всех на Земле.

Такое желание он ощущал в себе, оно всё время куда-то звало. И ничего не оставалось, как занимать себя работой. Как долго будет продолжаться это?

«На всё воля Божья», но неудовлетворённость сидела в глубине и точила его мятежную душу.

Сошествие

*«...Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша, вздымалась тихо грудь».*
М. Ю. Лермонтов

Тёплый июльский вечер опускался на склоны Машука. Тёмная туча выползала из-за горы с юга, а на западе ярко светило ослепительное солнце. Воздух густой, наполненный пылью и прелым запахом травы, исходил из зарослей, покрывавших склоны горы и её отрога – Перкальской скалы.

На пледе, расстеленном на траве у дерева, недалеко от развилки семи дорог, причудливо разбегающихся по поляне, на северной стороне горы устроились закадычные друзья – поэты: Андрей Белавин и Станислав Коняев. С ними – Николай Белинский из Минеральных Вод, журналист по призванию и лирик в душе, а также подающие надежды поэтессы Ольга Савойская и Дарина Курилец. Общим было чуть больше тридцати, они считали себя поклонницами Станислава и Андрея, а друзья в шутку называли их своими Музами.

Когда-то эта просёлочная дорога с развилкой в этом месте вела из Пятигорска в посёлок Карасс (ныне Иноземцево). Теперь это была просто туристическая тропа. Летом по

дорожкам прогуливались курортники. Экскурсанты, поднимались на отрог Машука – Перкальскую скалу и обзревали окрестности. Со скалы можно было рассмотреть автомобильную трассу, ведущую в Железноводск, петлявшую между зарослями деревьев.

Под кроной развесистой акации, где устроилась компания, лежала закуска, стояли початая бутылка «Русской валюты» и вино «для дам» – «Шампанское игристое».

Приятели собрались помянуть погибшего Лермонтова в тот самый июльский день, когда здесь, как считают многие, разыгралась памятная сцена убийства поэта.

Живя на Кавказе, нельзя оставаться равнодушным ко всему, что связано с этими местами, с великим поэтом, столь многогранно и красочно описавшем их. Восторженно воспевавшем край Синих и Белых гор, обычаи населяющих Кавказ горцев, их сложные взаимоотношения с пришлым северным соседом, несущем в одной руке меч, в другой – культуру. Теперь казалось, что из этого набора уже не так важно, что было вначале – первое или второе... Спустя полтора века, хочется думать, что это всё-таки культура. Просто без меча культуру было трудно донести «неразумным хазарам», без силы на Кавказе нет уважения. Здесь особый менталитет, плюс суровые горы. Сюда часто являлись непрошеные гости, но гордый характер обитателей заоблачных мест словно остерегал: докажи, что достоин быть равным, что не слабак, что умён, ловок и красив душой, что ты такой один,

ты – лучший и тогда примут тебя, как равного.

День подходил к восемнадцати часам, собравшиеся ничем не отличались от любителей пикника в тени живописной природы. Друзья поднимали пластмассовые стаканчики, произносили речи, читали стихи собственного сочинения, посвящённые Михаилу Юрьевичу.

Пирушка находилась в самом разгаре, когда вдруг потемнело в округе, неожиданно грохнуло так, что Дарина взвизгнула от страха, остальные зажмурились, дружно втянув головы в плечи.

Вслед за громом полыхнула молния прямо в телевышку на вершине Машука. Андрей, сидящий лицом к вершине, видел, как вышка, принявшая на себя страшное послание Перуна, словно прогнулась ломаной дугой в струях огня.

Раздался новый разряд, в свете которого на поляне появилось видение, словно черно-белое кино.

Это были люди, один стоял полуоборотом к сидящим на поляне: руки по швам, грудь приподнята, как на параде.

Другой, с пистолетом в вытянутой руке, медленно двигался навстречу тому, что стоял, словно статуя.

Неожиданно с неба хлынул сильный дождь, мгновенно намочив траву. Идущий запнулся, поскользнувшись, стал падать. Вновь осветила округу очередная вспышка молнии, следом то ли прогремел гром, то ли выстрел. Стоящий человек, как подкошенный, упал на траву.

Стрелявший поднялся, испуганно озираясь, направился к

упавшему, но появился третий – долговязый, которого Андрей сразу не заметил. Он схватил за руку стрелка и показал пальцем на компанию, находящуюся возле импровизированного стола с продуктами, что-то сказал ему. Шум дождя заглушал слова. Повернувшись, оба рванули в заросли, исчезнув, словно их и не было...

Андрей кинулся к тому месту.

Станислав, успевший повернуться на тревожный взгляд Андрея в ту сторону, куда тот смотрел, и тоже увидевший эту странную сцену, поспешил за ним.

Женщины, испугавшись, может, непонятого действия, происходящего на поляне, подгоняемые страхом и дождем, бросились под крону ближайшего дерева.

Подбежав к лежащему человеку, Андрей жестом показал Станиславу на него, подзывая ближе.

– Кто это? – крикнул Станислав, рот которого заливало струями дождя.

Андрей пожал плечами, по которым тоже нещадно лупил сплошной поток воды и, отплеываясь, проговорил:

– Может мне показалось, но это было похоже на дуэль, я видел выстрел...

– Я ничего не видел, сначала сидел спиной, но видел, как ты напрягся, глядя мне за спину.

Может он свалился с какого-нибудь летательного аппарата? Сейчас летают всякие дельтапланеристы, – неуверенно произнёс Стас, – но я вроде успел заметить еще двоих, они

куда-то убежали.

А этому, наверно, нужна помощь?

– Наверно, он как раз упал после выстрела.

Николай, сидевший в сторонке, не видел ничего, но хлынувший дождь поднял его, он собрался перебежать под дерево за спутницами, но добежав, заметил, что Станислав и Андрей направились к неизвестно откуда взявшемуся лежащему на траве человеку, оторвал своё тело от дерева и втиснул его в струи дождя. «Может, нужна и моя помощь», – мелькнуло в голове, поспешил к ним.

На земле лежало полуголое тело. Андрей заметил пристально смотрящие на него огромные глаза, чёрные, как уголья, поражающие своей глубиной.

Он лежал на боку, ноги поджав к животу. Щуплая фигура, казалось почти детской, по ней пробегала лёгкая дрожь, пряди волос облепили лицо.

– Кто вы? – осторожно спросил Андрей. – Если можете говорить, скажите хоть слово. Сделал шаг в его сторону, человек резко дёрнулся и сел.

Дождь, начавшийся мгновенно, так же и прекратился. По дорожкам, более напоминавшим русла маленьких речек, сверху по склону неслась грязная вода.

Тёмная кавказская земля контрастировала с белым телом пришельца.

Выглянуло солнце, земля стала парить. Андрей присел на корточки, участливо спросил:

– Вы не ранены? Кажется, стреляли?

Незнакомец неожиданно громко проговорил:

– Они скрылись в кустах. Вы видели? – И без перехода, – меня зовут Михаил. Михаил Юрьевич Лермонтов.

– Что вы говорите?!

А кто убежал в кусты?

Назвавшийся Лермонтовым, продолжил так же порывисто:

– Один из скрывшихся – Николай Соломонович Мартынов, он стрелял в меня. Это какое-то наваждение...

Это ведь было уже, было! Но сейчас он промахнулся. Пуля пролетела у самого уха, я упал, не удержавшись на ногах.

А другой – князь Васильчиков.

Он сел на корточки и продолжил скороговоркой:

– У вас странные одежды. Местность вокруг непонятная, но кажется мне знакомой... Очень. Это было, как вчера... Гора вроде та же самая, но выглядит иначе. Кругом деревья, но нет кустарника вон у того оврага, странно...

– Ни фиги себе! – наконец вырвалось у Андрея. – Мне это снится или от грозы поехала «крыша»?

– «Поехала крыша», – удивлённо вскинулся человек, похожий на Лермонтова. Теперь Андрей удивленно все больше различал эти знакомые по многочисленным рисункам, стилизованным фотографиям, что видел с детства и привык к ним, словно это его родственник. Как, впрочем, и каждый человек в нашей стране.

– А, может, это у «явившегося с неба» «поехала крыша», что называет себя таким именем? – прозвучало за спиной Андрея.

Это произнес Николай. И продолжил:

– Для нас это имя слишком свято, чтобы, извините, любой вот так запросто представлялся известным поэтом. Да и как такое возможно...

Полуголый человек встал на ноги, поняв, что ему не верят, подошёл к Николаю:

– Послушайте, любезный, почему вы так говорите? Это место... Он рассеянно огляделся. – Да, именно здесь, хотя до конца я не уверен, но интуиция подсказывает, что именно здесь я был ранен...

– Что вы говорите?! А для нас это пока не вопрос веры, скорее, это неудачная шутка.

– Извините, – вмешался Андрей, – в отличие от моего друга, я всё видел и не сомневаюсь в правдивости ваших слов, наоборот, была словно специально продемонстрирована классическая сцена дуэли.

А вас, если вы тот, за кого себя выдаете, тогда действительно смертельно ранили, а сейчас вы живы, к тому же прошло без малого два века. Чудес не бывает...

– Сам не понимаю, что происходит, зачем мне всё это?

Тем не менее, я жив, здоров и разговариваю с вами...

Повисла неловкая пауза.

Андрей, спохватившись, продолжил:

– Да, вы здесь, это приходится принимать, как факт. Если вы не двойник великого русского поэта то, несомненно, являетесь настоящим Михаилом Юрьевичем Лермонтовым...

– Тот ли я, за кого себя выдаю? После ваших слов, я и сам не уверен... И над всем этим ещё нависает странность того, каким образом через столько времени оказался здесь. И почему? Для меня это также невероятно.

Он продолжил рассуждать вслух:

– Эта гроза. Всё, как тогда... Я помню, что происшедшее было давно, я это хорошо осознаю... Знаю, что погиб после дуэли. И то, что случилось сейчас, не должно было случиться никогда. Но, неужели Господь откликнулся на мои тайные молитвы? Это невозможно, невероятно! Насколько известно, никто ещё не возвращался оттуда...

– Тысяча извинений, – перебил Андрей, – пока мы разбираемся, я вижу, вы замёрзли, дрожите.

Девушки, принесите что-нибудь накинуть на плечи.

– Плед подойдёт? – спросила Дарина и, не дожидаясь ответа, побежала за ним.

– Спасибо! – это слово было адресовано уже Дарине, после того, как она подала плед странному человеку. – Вы можете мне верить! Я расскажу про то, что было со мной после смерти, но сделаю это позже, вы позволите? Извините, сейчас у меня голова кружится. Можно воды выпить? Такое ощущение, что я сто лет не имел во рту ни капли.

В его интонации скользнул юмор. В этом положении он

ещё пытался шутить.

Теперь уже Ольга метнулась к накрытой «поляне» с едой, и принесла пластмассовую бутылку с водой.

Лермонтов внимательно осмотрел бутылку, поболтал, убеждаясь, что внутри вода.

– Можете пить из горлышка, – сказал Николай, – давайте, я откручу крышку. Вот так.

Напившись, Лермонтов передал бутылку Ольге.

– Интересное изобретение: прозрачное, но не стекло, хрустит под рукой. И без перехода добавил:

– Вы, я вижу, осведомлены о моей истории, о дуэли. Знаете, как я был убит?

– Да!

– Тогда можете убедиться: вот след от раны у первого ребра справа. Вот другой: между пятым и шестым на задней стороне грудной клетки от пули, прошедшей навывлет. – Он завел руку назад и показал большим пальцем на лопатку. – Остались шрамы, последнее время они вновь приносили мне болезненные ощущения...

Станислав, словно очнувшись, наконец, встрял в разговор:

– Мы знаем обо всём про шрамы, они совпадают с описанием очевидцев, свидетельствовавших о последствиях дуэли.

Мне непонятны некоторые моменты, о них писали врачи – ваши современники. Например, доктор Раевский упоминал

о ваших врождённых пороках, в частности, о кефозе, о пло-
хо сросшейся ноге, после удара лошади. А у вас, я вижу, –
ровная фигура. Стоите прямо.

– Да, вы правы, я и сам только теперь заметил, эти старые
недостатки удивительным образом исчезли, словно рассоса-
лись, я также не чувствую горба, и всё остальное почти иде-
ально.

У меня была чахотка, слабое здоровье, хотя при жизни
я не поддавался болезням, занимался физическими упраж-
нениями, фехтованием, джигитовкой. Дефекты тела сильно
мешали, ограничивали мои возможности. Но от всего этого
не осталось и следа.

Стас решительно шагнул вперёд и протянул руку:

– Мы вам не представились. Меня зовут Станислав Коня-
ев.

– Рад знакомству! Но вы старше меня, как вас по отече-
ству?

– Николаевич. – Он развёл руки и, улыбаясь, заметил: –
бытует шутка, что у поэтов нет отчества. Но и вас называть
по имени у меня тоже язык не повернётся.

– Отчего же? Я готов принять ваши правила. Как я понял,
вы хоть и с недоверием, но начинаете признавать меня. В
дальнейшем вы поймёте, что я не обманул вас. Называйте
меня просто Михаилом.

Андрей протянул руку:

– Андрей Александрович Белавин, в кругу друзей – про-

сто Андрей.

И, показав жестом в сторону спутниц, представил их: Ольга Савойская, Дарина Курилец. Оля и Даря, наши подруги, тоже не любят, когда их величают по отчеству.

Мы четверо из одного города, из Ессентуков.

– Николай Иванович Белинский, зовите просто – Николай. Я из города Минеральные Воды, газетчик, – представился друг-«минераловодочник». Так в шутку его и всех жителей Минеральных Вод называли друзья.

– Что есть такой город?

– Есть, – подтвердил Николай, – вы не ослышались. За более чем полтора века вашего отсутствия многое изменилось на этой земле, в том числе возникли новые города.

Лермонтов, например, – назвали в вашу честь, а ещё построены железные дороги, каналы, мосты...

– Город в мою честь? Интересно.

И дороги железные? Ах да, я понял – по ним ездят железные вагоны. В пространстве Информационного поля мне довелось вскользь почерпнуть некоторые сведения.

– В пространстве «Информационного поля», что это?

– Это почти то же, что у вас Интернет. Об Информационном поле у вас писали учёные и эзотерики, вы не в курсе?

– Читали, но это гипотеза. Кстати, – совсем некстати перевёл разговор Николай, – Станислав и Андрей пишут стихи, исполняют свои песни. Девушки тоже поэтессы. Здесь собрались творческие люди и почитатели вашего таланта. Се-

годня мы отмечали день вашей гибели...

– Странно, – удивился Михаил, – разве это отмечают?

– В жизни много странных вещей, – философски заметил Станислав, – у гениев в России каждый год отмечают рождение и гибель. Это лишний повод вспомнить талантливо-го человека, отдать дань уважения, поговорить о его творчестве, почитать произведения...

Михаил улыбнулся, посмотрев на девушек, заметил:

– В наше время дамы скрывали свои стихотворные опыты.

И не носили мужские одежды...

Но скажите, господа, а какой сейчас год?

– Две тысячи четырнадцатый. Вам, Михаил Юрьевич, в октябре «стукнет» двести лет!

Адаптация

Андрей, словно прозрев, всплеснул руками и произнёс:

– Боже мой, не могу поверить в это, ущипните меня! Второе пришествие Поэта?! Разговариваю с самим Лермонтовым!

Позвольте дотронуться до вас, Михаил Юрьевич, вам это покажется странным, но я хочу воспользоваться своим преимуществом – правом первого, кто увидел вас в двадцать первом веке. Это же сенсация, мир захлебнётся от такой новости!

Шутя, он тронул Лермонтова за локоть, провел ладонью по плечу и спине... Потом ущипнул себя за тыльную сторону ладони и воскликнул: «Всё равно не верится!»

Но Лермонтов отреагировал серьёзно:

– Простите, господа... Надеюсь, мы станем друзьями, коли Бог свёл нас.

Прошу никому пока ничего не сообщать. Не потому что боюсь быть подвергнутым обструкции, хотя это произойдёт наверняка, но мне не хотелось становиться зоологическим экспонатом, который бы возили по городам и весям, трогали, щипали, удивлялись.

Если я вернулся на землю спустя полтора столетия, то не для того, чтобы из меня делать диво. Хотелось прежде понять мотив Создателя, – какую мне должно исполнить мис-

сию во второе моё пришествие? Пока я этого не понимаю. Надеюсь, скоро разберусь.

Могу ли рассчитывать на вашу помощь, господа?

Присутствующие переглянулись – кому ответить. Дипломатичный Коняев сказал:

– Можете рассчитывать на каждого из нас, Михаил Юрьевич. Ручаюсь, что все посчитают за счастье стать вашими друзьями.

Андрей добавил:

– Мы хорошо знаем друг друга. И здесь находимся потому, что любим ваше творчество. Думаю, судьба не случайно подарила нам эту встречу. Доверьтесь нам, а мы сделаем всё, чтобы приблизить вас к современной жизни.

В связи с этим хотелось бы знать, насколько вы осведомлены о прогрессе, о достижениях науки, техники?

– Признаюсь, знаю поверхностно. Следил за развитием России и мира, но интересовался всем на уровне любителя, мне ведь это, вроде, ни к чему, я гуманитарий, интересовался больше тем, что меня интересует. Хотя и остальные направления замечал.

Вот у вас сейчас век атома, цифровой информатики, это тоже я на небесах усвоил в Информационном поле. Но, согласитесь, реальность бытия не заменит никакое Поле. Одно дело, мысленно охватить нужную тему. Другое, самому окунуться в реальность, ощутить, потрогать, пожить...

Одежда, вижу, на вас отличная, это естественно. Но это

самое простое, к чему я, надеюсь, быстро привыкну.

– По нашим меркам уже не очень молодых, к тому же провинциалов, мы одеты довольно не модно, – пояснил Андрей, – то, что вам предстоит увидеть на улицах в толпе людской...

Готовьтесь, Михаил Юрьевич, к сюрпризам. Много может сильно вас озадачить, пожалуйста, только не выражайте эмоции вслух! А мы постараемся упредить ваши вопросы.

– Я – полностью в ваших руках.

– Спасибо за понимание! – облегчённо вздохнул Станислав и продолжил, – еще одно обстоятельство, которое требует немедленного решения, я имею в виду ваше теперешнее местонахождение и проживание в обществе. Вас надо как-то легализовать.

Для начала, самое простое и надёжное – могу пригласить вас к себе. Живу я один в холостяцкой квартире из двух комнат.

Вас это не смутит? Вы временно поживёте у меня.

– Буду вам признателен!

– Мы все так же знаем о вашем не бедном прошлом, читали про богатую бабушку Елизавету Алексеевну, её связи в высшем свете...

Сейчас вы без средств, и хотя всё уже по-другому, но по-прежнему нужно как-то устраивать свое место в жизни, на что-то жить...

Уверен, что мы решим эту проблему, как и то, что вы сами

найдёте возможность добывания этих средств, где-то сможете трудиться, чтобы нормально существовать. Мы еще подумаем на эту тему.

В общем ситуация такая: российская империя, после вашей гибели, дважды поменяла курс. Монархию свергли, установили диктатуру пролетариата через революцию и Гражданскую войну.

В России и присоединившихся республиках установилась советская власть. Затем новая череда событий. Нас втянули во Вторую мировую войну.

Только страна оклемалась от этого потрясения, вновь переворот в России, она встала на капиталистический путь развития.

Впрочем, об этом вы должны знать, если интересовались текущими проблемами и выходили в Информационное поле...

Очень трудно объяснить всё сразу. Нам тоже придётся подстраиваться к вам, учитывая многие нюансы.

– Да, мои новые друзья, спасибо за искреннюю заботу, которую я уже ощущаю!

Я, естественно, интересовался многим в вашей жизни, но за всем не уследишь, столько событий, перемен в науке, культуре, политике! Много находил в упомянутом источнике.

«Как это происходило?» – спросите вы, – да само собой: я представлял мысленно то, что хотел узнать, и в мыслях по-

являлись картины, образы, понятные без слов.

Белинский, стоявший до этого и крутивший головой в стороны говоривших, следя за беседой, не выдержал и вставил:

– Впм придётся принять как данное, что вы имеете здесь статус великого русского поэта, вашим именем названы улицы, библиотеки, корабли, сёла и города. Ваше творчество изучаются в школах, университетах, по вашим произведениям сняты кинокартины, в театрах идут спектакли.

– А ещё, – подхватила Дарина, – до сих пор не утихают споры, дискуссии, версии о причине вашей дуэли, фактически – убийства. Ведь расследования, как такового, проведено не было. Люди не могут смириться с величайшей несправедливостью, свершившейся здесь у подножия Машука...

Лермонтов взволнованно ответил:

– Уважаемые друзья, все долгие десятилетия я думал о случившемся.

И понял, что не это главное для меня, важно время проведённое за работой, которой я отдавался ТАМ со всей страстью и неутомимостью.

Перед тем, как явиться сюда, я закончил объёмный труд по истории Кавказа моего периода. Но с собой сюда его не забрать получилось...

Почему все так случилось? Если я останусь в этом мире, придётся восстанавливать по памяти, не для этого ли я вернулся? Хотя повод, как мне кажется, не столь значительный. Здесь, скорее, что-то другое...

И ещё, друзья, я замечу вам, не в обиду: не проявляйте столь усердного рвения в отношении меня, не называйте без конца меня великим поэтом, я в той жизни к этому не привык. Да и в этой наверняка придется начинать все заново.

Приму всё, как есть, не капризная. Позвольте мне одну только слабость: иногда удивляться, выражать свои эмоции, ведь это не в моих силах – прятать их! Без этого вряд ли смогу. Но обещаю быть прилежным и терпеливым учеником. Постараюсь вас не разочаровывать.

Осознавая важность момента, и не веря до конца в происходящее, все молчали. Случившееся было настолько невероятным, что трудно осознать его до конца, тем более, выразить словами. Все вдруг поняли, что оказались в центре поразительных событий, дарованных им судьбой.

* * *

Станислав – довольно крупный мужчина, приятной наружности, средних лет, слыл лидером среди своих собратьев, считая себя профессионалом, чем очень гордился.

Другие, причислялись к когорте любителей, и считались ниже в этой иерархической лестнице.

Среди друзей и знакомых он слыл любителем застолий, шумных вечеринок, умел создать своим обаянием вокруг шлейф поклонников, особенно среди женского пола.

С детства внушил себе, что он – не такой, как все. Со временем научился очень эффектно читать стихи. Неплохо иг-

рал на гитаре, пел приятным баритоном.

С Андреем Белавиным у них установились наиболее близкие, дружеские отношения. Среди коллег в городах Кавказских Минеральных Вод обоих друзей принимали тепло и, как казалось Андрею, одинаково.

Андрей – высокий брюнет, хорошо сложенный, с тёмной шевелюрой волос, правильными чертами лица, ровным характером, считался хорошим семьянином.

В глубине души он чувствовал большой творческий потенциал, только не знал, как его реализовать с полной отдачей.

Они подружились со Станиславом, общались тесно и были почти одного возраста.

Дружба двух романтиков помогала Станиславу душой отдышаться в атмосфере друга, Андрею – скорее постичь многие особенности поэтического ремесла. Подолгу проводя время в доме Андрея, они вели беседы о поэзии, творчестве, читали стихи, пели песни под гитару. Станислав делился своим багажом знаний, Андрей усердно впитывал всё, как губка.

В его доме часто собирались и остальные друзья, проходили весёлые застолья, что называется в таких случаях божественным образом жизни.

Ольга и Дарина пришли в поэзию по зову сердца недавно. Когда познакомились на общих тусовках, стали искать друзей среди единомышленников, и как-то незаметно присоединились к группе Станислава и Андрея.

Писали они ещё слабо, принимая комплименты, как аванс на будущее. Сами не скупилась хвалить Станислава и Андрея, внимая их советам, и их сообщество в глазах других казалось монолитным.

Дарина всячески подчёркивала свою любовь к творчеству Станислава, в тайне полагая, что через стихи найдется и тропка к сердцу поэта. Расчёт оказался верным, но не скорым...

Избранник оказался из тех людей, кто любил больше себя в поэзии, чем поэзию в себе.

Усложняло ситуацию и то, что у Дарины был семилетний сын от первого брака, жила она у матери. Бабушка души не чаяла во внуке, который должен в сентябре пойти уже в первый класс.

Ольга, так случилось, оказалась равнодушной к Андрею. Но он женат, что казалось невозможным их сближение. Молодая женщина не теряла надежды...

Она воспитывала дочку такого же возраста, как у Дарины, потому их дружба становилась ещё теснее. Бывший муж Ольги оказался человеком порядочным. Полюбив другую, оставил ей квартиру, поддерживал бывшую семью материально.

Ольга работала в адвокатской конторе, средств для проживания с дочкой вполне хватало. Жизнь она вела размеренную, но в духовном плане, как говорят грузины: «чего-то нэ хватало». Это «чего-то», как ей казалось, она нашла в твор-

честве. Посещала литературные объединения, где много интересных людей – пишущих, поющих, играющих.

Николай Белинский в этой компании был старше всех – возраст за пятьдесят. С благородной бородкой, как у тётки-критика, знакомого каждому со школьной поры по портретам.

Николай считался лёгким на подъём, к тому же Станислава он знал по работе задолго до того, как к ним присоединилась вся остальная компания. Прикипел душой к его творчеству, сам в юности баловался стихами.

Будучи хорошим журналистом, понимал, что в этой сфере ему не преуспеть. За преданность был ценим другом. Взамен получал радость общения с талантливыми людьми, присутствовал на творческих встречах, праздниках, видимо, этим как-то компенсируя одиночество.

Ему тоже нравилась Ольга. Когда та влилась к их компанию, у него неожиданно что-то шевельнулось в душе. Но с женщинами он был робок и всячески скрывал свои симпатии.

К тому же замечал не раз плохо скрываемый интерес Ольги к Андрею...

Новая реальность

– Дождёмся темноты и двинемся к трамваю, – предложил Андрей. – Пересядем в электричку и доберёмся до Эссенуков, где от вокзала рукой подать до дома Стаса.

– Но я почти раздет, – воскликнул Михаил. – Сидел себе у моря в шезлонге, мечтал и вот...

– Ничего, обернём до пояса пледом, окружим нашими хорошенькими дамами со двух сторон и проведём, словно кавказского пленника, в вагон.

Народ в двадцать первом веке привычен ко всему, – убеждённо произнес Николай. – Только не подавайте виду, что стыдитесь.

Станислав добавил:

– Сейчас кардинально поменялись мода и нравы. Женщины ходят в брюках, летом – полуобнажёнными, а бывает, очень живописно одеты, или нарочито небрежны.

Это всё веяния моды, по сути, навязанной безвкусицы. Мужчины и женщины носят брюки, так называемые джинсы, с искусственно потёртыми штанинами, с дырками на коленях.

Носят всё и все подряд: толстые и худые, те, кому это идёт или не идёт категорически...

Не удивляйтесь, если увидите на лицах пирсинг – такие блестящие бусинки на носу, на бровях, на коже. А ещё тату-

ировки на разных частях тела у мужчин и женщин. Поверьте, даже у меня это вызывает внутренний протест, но что поделаешь, как говорил Цицерон: «O tempora, o mores!»*²

– Да, сложно, но постараюсь освоиться.

– Друзья, – нетерпеливо произнёс Станислав, – хватит разговоров, уже темнеет. Пора собираться.

Женщины собрали остатки еды, мусор.

– Мы забыли предложить Михаилу Юрьевичу поесть, – словно опомнился Андрей.

– Почти двести лет у меня не было во рту и крошки. Земная пища не интересовала. Но сейчас, пожалуй, я бы перекусил чего-нибудь. Чем теперь питаются на белом свете?

Андрей подхватил шутку:

– Да всё тем же, Михаил Юрьевич, боюсь только, не все продукты вам понравятся, они далеко не те, что были в ваше время.

Лермонтов надкусил было хлеб, но словно поперхнулся.

– Андрюха, не пугай человека, – заволновался Стас, – шутки твои некстати.

Андрей, пренебрегая этим замечанием, продолжил:

– Михаил Юрьевич, не бойтесь, не отравитесь, мы всё уже проверили на себе, – и непринуждённо рассмеялся.

– Я не всё понял из ваших слов. Мне теперь придётся основательно поработать с разговорным языком.

– А вот колбаски не желаете? – Предложила Ольга, – есть

² *O времена, о нравы! (лат.)

огурчики, перец болгарский, помидоры, картошечка...

– Колбасу, овощи – знаю... – Он откусил кусок «Докторской» и сморщился. – Что это? Или я забыл вкус еды?

– Может, попробуйте огурец с хлебом? – Несмело предложила Ольга, – вот помидор, болгарский перец.

– Есть захотелось, значит, я живой, это радует. – Продолжал шутить Лермонтов. Откусил огурец, пожевал. Потом перца и хлеба. – Всё какое-то мне непривычное, не сказать, что противное. Хлеб другой...

На кавказской войне в полевых условиях ели часто второпях, сидя на привале. Ко всему приучен. Но теперь еда совсем другая.

– Да, Михаил Юрьевич, трудновато вам будет приноравливаться к нашей жизни, но пищу мы вам подберём, она весьма разнообразна. Не перевелись по-прежнему французская, итальянская, японская кухни, но это всё в ресторанах. Мы же питаемся просто.

Лермонтов оглядел всех, перестав жевать, задумчиво произнёс:

– Понимаю, это серьёзное испытание. Непонятно, зачем оно мне, что хотел Господь этим сказать, словно я подопытный экспонат.

– Теперь, Михаил Юрьевич, говорят: подопытный кролик. Вообще, это очень сложно – встроиться в новые реалии. Вы сильный человек, офицер – справитесь. Придётся знакомиться с различными техническими средствами: телеviso-

ром, компьютером...

И этому научитесь. Не боги горшки обжигают.

Все уже собрались, стояли в сторонке, ждали.

Они шли гурьбой. В середине – Лермонтов, каждый пытался с ним заговорить, что-то добавить.

– Друзья, – предупредил Андрей, – шире шаг, идём к остановке трамвая, уже темнеет.

Вышли на асфальтированную дорогу, вскоре оказались у памятной стелы предполагаемого места дуэли.

– Михаил Юрьевич, а эта штука – в вашу честь, – сказала Дарина, показывая на стелу. – Существует официальная версия, что дуэль состоялась здесь.

Лермонтов остановился и с любопытством уставился на сооружение. Белинский на всякий случай встал сзади, приготовился подхватить поэта под локоть.

– Впечатляет. Но дуэль была там, – Михаил махнул в сторону, откуда они пришли.

– О, Михаил Юрьевич, – воскликнул Андрей, – здесь это только начало вашей славы, а сколько памятников по всей Руси великой и за её пределами! И, конечно, у нас – в Пятигорске, Железноводске, Лермонтове.

– А что представляет вообще нынче из себя Кавказ?

Станислав, вспомнив, что сейчас не время рассуждать на отвлечённые темы, с некоторой долей покровительства, заметил:

– Мы ещё поговорим обо всём, Михаил Юрьевич, нам на-

до спешить.

– Вы правы.

Они вышли к трассе. Лермонтов, увидев жилые высотки, несколько гостиниц, автомобильную дорогу, по которой с шиком неслись машины разных марок, гостиницу «Бештау» прямо напротив, охнул:

– Вот это да!

Ему тут же стали объяснять чудеса нового времени.

Но вот они подошли в трамвайной остановке. Вскоре, гремя на стыках, звеня, подошел старенький трамвай, народ заполнил салон.

Друзья попытались завести Михаила внутрь трамвая, подталкивая, словно в утробу «динозавра», но он упёрся двумя руками в двери, потом вырвался и отпрянул в сторону.

Люди, стоящие на остановке и в трамвае, с удивлением смотрели на странного человека, закутанного по пояс в плед и вроде как шарахающегося от безобидного транспортного средства. Михаил, наделавший шуму этим резким движением, показался клиентом, сбежавшим из сумасшедшего дома, а его спутники – санитарями без халатов.

Они тем временем, чтобы не привлекать сильно к своей компании внимание окружающих, отошли в сторонку и объяснили Михаилу, что это первое, но не самое страшное, с чем ему придётся сегодня столкнуться.

Андрей мягко увещевал:

– Михаил Юрьевич, вы посмотрите на нас. Мы такие же,

как вы, но не боимся, и с вами ничего не случится, поверьте и доверьтесь нам.

Сейчас подойдёт другой трамвай, мы вместе войдём в него, доедем до станции, названной в честь вас – Лермонтовской, и сядем в электричку.

– Электричку?

– Да. Это такая же железная повозка, похожая на трамвай, только больше. Там – тоже ездят люди.

Мы сядем на сиденья и спокойно доедем до Ессентуков, вы помните такую казачью станицу?

Не доезжая её, ваш Печорин, в погоне за Верой, загнал коня...

Теперь это более чем стотысячный город, в нем чуть меньше по численности населения Пятигорска, и он тоже – курорт мирового значения. К нам со всей страны и из-за рубежа люди едут лечиться, принимать грязи, ванны, пить минеральную воду.

А вот и трамвай подходит, идемте.

Лермонтов с опаской, но вошёл внутрь вагона, вёл себя тихо, иногда вздрагивая от лязга и громких объявлений.

В электричку уже прошёл спокойно, однако ехал слегка подавленным.

Постепенно осмелел, разглядывая окружающих пассажиров, вагон. Смотрел в окно, где мелькали дома и окрестные пейзажи. В вагоне вскоре обратил внимание на милостивых девушек, женщин. В глазах у Михаила мелькнул огонёк, он

стал задавать друзьям вопросы на разные темы. Ему охотно отвечали.

Вот и место назначения. Все дружно вышли на перрон, проводили Станислава, Андрея и Михаила до парка, что рядом с вокзалом.

Ольга и Дарина, попрощавшись, пошли на маршрутку, Николай вернулся к вокзалу, чтобы поехать в обратную сторону. Скоро ожидалась электричка на Минеральные Воды. Пообещал, что завтра непременно нагрянет в гости.

Андрей же вызвался проводить Станислава и Михаила до дома. В полутьме ночных фонарей они прошли по аллее парка, свернули на нужную улицу, а там и до квартиры Станислава – рукой подать.

Среди друзей

Минуло две недели с того памятного дня, как завязалась эта история.

Лермонтов оказался способным учеником, жадно изучал все новшества подряд, читал газеты, смотрел телевизор, слушал радио.

Приезжали друзья, помогали с продуктами, одеждой.

Михаил труднее всего привыкал к современной пище. Ел мало, был разборчив в еде, говоря:

– У вас здесь всё по-другому. Еда непонятная, порой безвкусная. Много в речи употребляется английских терминов. И ощущается просто вал информации. Даже мой подвижный мозг не в силах переварить все новые термины, особен-

но применительно к ранее мне неизвестным приборам, вещам, понять истинное их значение.

– Нам самим нелегко угнаться за прогрессом, что подделаешь, теперь либо на коне, либо в кустах. Будем стремиться шагать в ногу с веком, – сказал Стас. – Меня другое беспокоит: нужно как-то тебя легализовать, то есть снабдить тебя документами, чтобы без опаски мог выходить в свет. Не сидеть же все время тебе в четырёх стенах.

Я уже навёл справки. Паспорт и прочие документы, необходимые современному человеку в нашей ситуации можно приобрести только незаконным путём...

Поэтому надо придумать легенду твоего появления в наших краях. Можно было бы разыграть «потерю памяти». Но это палка о двух концах: начнут искать родственников, наводить справки. Возникнут нежелательные моменты...

И всё это может продлиться неизвестно сколько. В лучшем случае дадут какую-нибудь бумажку – неполноценный документ.

Однако я вспомнил, что Ольга раньше работала в этой сфере. По моей просьбе она уже нашла человека, который пообещал «достать» готовый паспорт.

После этого разговора, прошло немного времени, и Ольга принесла паспорт на имя Михаила Евгеньевича Ермина. Удача в том, что даже имя совпало и это радовало.

Разъяснила: человек-посредник, получивший определённую плату за услуги, заверил её, что документы подлинные,

ранее принадлежали погибшему ополченцу на войне в Донбассе.

Тот рассказал о погибшем, что он был круглым сиротой. А подобравший документы, продал паспорт ему. И он купил по дешовке у продавца – изрядно поиздержавшегося незадачливого вояки, унёсшего ноги обратно в Россию, не желающего отдавать свою драгоценную жизнь...

Для нашего безымянного друга это казалось идеальным вариантом.

Оставалось придумать легенду. Решили, что, согласно прописке в паспорте, он приехал из Ростова к Станиславу подлечиться и познакомиться с курортными местами.

О пребывании в Донбассе решили не распространяться, тем более, бывшего хозяина паспорта туда официально никто не направлял. Михаил должен говорить всем, что понравился курорт, и он решил задержаться здесь на неопределённый срок.

Чуть позже вновь пришлось прибегнуть к помощи Ольги, которая отвела к знакомой паспортистке и Михаила Ерма на зарегистрировали, предварительно та подделала фотографию, после чего было получено разрешение на временное проживание на Кавказских Минеральных Водах.

Михаил стал основательно готовиться к вызовам нового времени. Осваиваясь, он столько забавных моментов открыл для себя, буквально по каждой мелочи!

За этим интересно было наблюдать со стороны. Лермон-

тов – человек образованный и буквально на ходу схватывающий информацию, всё запоминал, но даже с его уровнем интеллекта всё объять было нелегко.

Станислав с лёгкой иронией потом рассказывал друзьям, как однажды застал его за странным занятием с портмоне в руках. Михаил без конца открывал и закрывал замок, наблюдая за тем, как смыкаются и размыкаются мелкие его сегменты.

Стас застыл в недоумении, а Михаил невинно произнёс:

– Как интересно работает это устройство. Что за чудо-мастер сотворил такое?!

Стас переспросил:

– Замок, что ли? Вот эту штуку, что ты закрываешь и открываешь?

– Ну, да. Это же надо такое придумать, до чего пытливым человеческий ум. Смотрю, и на многих других вещах есть такие штуки...

– Ты меня озадачил. Да, насколько нас разделяет прогресс – то, что для любого ребёнка очевидно, для человека из прошлого может оказаться настоящим открытием.

Называется это «молнией». Мы привыкли ко многому в этой жизни и часто просто не замечаем, не придаём значения таким «мелочам».

С другой стороны, я подумал: мы уже почти ничему не удивляемся, а напрасно. Хотя человек, особенно творческий, именно тем и отличается: подмечать и выражать свои

чувства посредством слова, кисти, нот, чтобы люди тоже обратили на это внимание, посмотрели, так сказать, иным взглядом. Где-то удивились, где-то восхитились, а порой и огорчились...

В связи с этим, вспомнилась мне кино-мелодрама режиссёра Эльдара Рязанова «Ирония судьбы или С лёгким паром».

За точность цитаты не ручаюсь, там киногерой Ипполит с горечью произносит: «Мы стали ленивы и не любопытны, не замечаем простых «мелочей».

А мелочи не всегда являются таковыми. Ещё он сокрушался, что «мы перестали совершать маленькие глупости», которые нашу жизнь делают романтичней интересней, как это было во времена рыцарей, обещавших своей избраннице нечто нереальное: звёзды с неба, солнце на ладони. А жаль...

Интересно, как Михаил отреагировал на телевизор, когда увидел в «ящике» картинки и услышал речь, то вздрогнул, стал искать источник чужого голоса.

На экране показывали потрясающую картинку: глубины океана, его красочный мир. Голос за кадром повествовал об обитателях подводного мира в глубинах Тихого океана.

Михаил долго смотрел, не отрываясь. Подошёл вплотную, заглянул за телевизор, потрогал облицовку, экран. Волосы у него на руке наэлектризовались, поднялись дыбом, Михаил отдёргнул руку.

У Стаса был старенький аналоговый «Фунай». Он, наблю-

дая за Лермонтовым, пояснил:

– Это не смертельно, от экрана идёт небольшое излучение.

Изображение приходит на экран с помощью сигнала за тысячи километров, через спутник, летающий в космосе вокруг Земли.

Тебе это пока трудно понять, нужно много объять, начиная с азов. Мы будем это делать, поскольку невозможно жить без знаний о современном мире, которые изучают со школьной скамьи.

Михаил озадаченно почесал затылок, глубокомысленно произнёс: «Н-да!», – продолжив наблюдать за тем, что происходило на экране. Его заинтересовал рассказ о крупных млекопитающих подводного мира: китах, акулах.

Показывали удивительно красочный и разнообразный океанический мир. Эти картинки даже современного человека не оставляют равнодушным, и Михаил, удивляясь, говорил:

– В моё время о морских обитателях можно было узнать только из книг, но это были лишь домыслы, фантастические рассказы о гигантских рыбах, спрутах. Увидеть такое было невозможно. Мир настолько продвинулся вперёд, что заглянул уже под толщу океанов. Как это всё происходит?

Станислав рассказывал о глубинах океана и космоса, с удивлением обнаружив, что и сам знает мало об этом. Раньше он не очень-то интересовался этой темой, знал в общих чертах, как большинство людей, ведь всё охватить невоз-

можно.

Пока он рассказывал, на экране появились часы, пошла заставка новостей на Первом канале.

Диктор начал с анонса. Михаил старался не отрывать взгляда от экрана.

– Ты тут слушай, – сказал Станислав, – а я пока приготовлю что-нибудь на обед.

Выйдя на кухню, он время от времени заглядывал в комнату. Михаил всё также внимательно смотрел телевизор.

Новости закончились, началось политическое ток-шоу. Михаил сидел, не меняя позы. Стас предложил пообедать.

– А как же это? – Михаил указал на телевизор, – они же не закончили! Так кричат, перебивают друг друга, ужасно невоспитанно себя ведут!

Что-то про Украину говорят. Про какой-то переворот. Я как-то не очень вникал в текущие события в мире, не было ни телевизора, ни газет, сам понимаешь. Да и зачем, все равно не повлияешь, а расстраиваться нам не положено...

– Да, дорогой друг, тяжело быть оторванным от мира. Ни к чему в ваших краях земная политика. А здесь тебе придётся принять тот факт, что бывшая Малороссия, теперь Украина не в составе России. Официальная власть этой, ставшей в одночасье вроде независимой страны, после развала Советов, приняла по отношению к нам враждебный курс.

У нас тоже не всё гладко в России, более того, новый режим, образовавшийся в 1991 году, фактически является ан-

тинародным, мимикрируя под социальное государство.

Но, странное дело, президент – гарант олигархического капитализма в стране, пользуется всенародной любовью. Выступает в роли Хаджи Насреддина, осчастливливая порой докричавшихся от отчаяния к нему людей. Но это капля в море для нищего населения. Он словно пытается поженить Розу с Чёрной жабой, как у Есенина.

Стас встретил непонимающий взгляд Михаила, объяснил: – Жил такой поэт в начале двадцатого века. Он жестоко и подло был убит, как убили тебя. Только не на дуэли. С ним расправились в гостиничном номере – в Питерском Англи-тере, при весьма туманных обстоятельствах.

Как поэта, народ Есенина очень любит до сих пор в России. Я тоже ценю его за пронзительную русскость, неповторимость лирики и языка.

Вот на полке его книги, можешь почитать. У нас он почитаем на таком же уровне, как Пушкин, как Лермонтов, то есть, как ты, батенька.

В России теперь непонятная система ценностей, невнятный курс, как в экономике, так и в политике...

Всё это сложно. Бог с ней, с политикой, я сам её не люблю.

В вопросах культуры мы тоже запутались. С одной стороны, вроде позиции остались незыблемы – развитие вечного, доброго, традиционного, но западные «ценности», есть такое выражение, «выползают изо всех щелей», и не в самых лучших своих проявлениях, вот в языке, ты это заметил.

Резко поменялись ценности после начала «демократических» перемен. Так называемые либералы, развращают народ, особенно молодёжь, агрессивно насаждая порой невнятное, абстрактное, однополое...

Но это такие дебри! Трудно даже мне, живущему в этом времени, с университетским образованием разобраться, а главное понять все эти течения, направления.

Не обязательно всё любить и принимать, это дело вкуса. Интеллектуалы выпендриваются в своих изысканиях, богатые думают, что это высший писк моды и скупают за бешеные деньги всякую мазню, а народ по-прежнему живёт бедно в основной массе.

Вот телевизор – потрясающее изобретение, но и его не всегда можно смотреть. Бесконечная реклама всякого барахла. Часами крутят так называемые ток-шоу, насилие и грязь льётся с экрана.

Это видят дети. Молодёжь не расстаётся с гаджетами. Так называются мобильные телефоны, смартфоны, айфоны, ноутбуки – продукт прогресса, пришедший тоже с Запада, появившийся как-то сразу и заполонивший неокрепшие умы.

Прогресс развивается семимильными шагами. Моё поколение с трудом поспевает за новыми изобретениями.

Ещё одно производное прогресса – Интернет – всемирная «паутина». Через него можно общаться со всем миром, получать любые сведения на любом языке.

Тут тебе и развлечения, и полезная информация, и... сво-

ра мошенников. С той, неведомой нам, стороны экрана миллионы пройдох жаждут халявы, выманивают у стариков последние деньги, затаскивая их в долговую яму. И мы, простаки, попадаемся в их сети.

Всё это так быстро свалилось на наши головы, основная масса населения в этом плане малообразованна, верит всему и попадает в кабалу.

Государственные структуры, призванные отслеживать ситуацию, бессильны, а то и попустительствуют мошенникам, выбрав позицию страуса или фигового листка, прикрываясь незыблемостью демократии – так называемой, свободой слова и предпринимательства.

И все теперь с пелёнок «заражены» болезнью стяжательства.

Но Интернет имеет и громадный плюс, если разумно подходить к нему: легко получить необходимую информацию, обучиться всему, что пожелаешь. Например, изучать иностранные языки, осваивать гитару.

Зазвонил телефон. Михаил опять вздрогнул.

– Не волнуйся, телефон тоже полезная штука.

Он снял трубку. Беспokoил Андрей, сказав, что сегодня не придёт, дома срочные дела. Стас рассказал ему о своём общении с поэтом. Потом ему пришла в голову мысль: он попросил не класть трубку, сказав, что Михаил хочет ему передать привет. Протянул Михаилу трубку:

– Это проводной телефон. На том конце провода Андрей,

поздоровайся с ним, поговори.

Михаил посмотрел детскими глазами: «Как это – на другом конце провода?»

Осторожно взял трубку, приблизил к уху, услышал: «Алло, Михаил Юрьевич! Прости, – Михаил Евгеньевич, как дела, чем занят?»

Стас жестаами показывал: «Говори в трубку! Говори!»

Михаил неуверенно выдавил из себя: «Андрей, мне трудно всё даётся. Смотрел телевизор – интересную передачу про океан, потом политическое шоу, – не легло на душу. Мне кажется, я никогда не встроюсь в эту жизнь».

Трубка успокоила: «Поначалу любое дело трудно даётся. Тебе особенно тяжело, потому что мышление не приспособлено, во всё нужно вникать с нуля.

Говорят, Бог не посылает невыполнимых задач. Наберись терпения, главное во всем – настрой. Пусть не сразу, но постепенно всё уляжется, верь!

– Спасибо, успокоил! – То ли в шутку, то ли всерьёз поблагодарил Михаил. Ты, когда придёшь к нам?

– Постараюсь завтра. А ты грызи гранит наук. Это же интересно! Пока, дорогой!

– Пока!

Михаил посмотрел на Стаса, тот кивнул на трубку:

– Положи её на место, пойдём обедать, а потом займёмся освоением компьютера.

В парке

На другой день пришёл Андрей, и друзья решили пойти прогуляться по парку.

По пути Михаил рассматривал современную отделку зданий, рекламу, баннеры с полуобнажёнными красотками, рекламирующие нижнее бельё. Откровенные бикини из кружевного материала почти ничего не прикрывало. Михаил поспешно отвернулся от витрины, застеснявшись, будто перед ним была живая женщина.

Не удержав соблазна, повернулся и, словно обманывая себя, снова закрыл глаза.

– Что, Миша? – смеясь, спросил Андрей, – стыдно на это смотреть?

– Ей не стыдно, потому что самой не видно. Она снялась для рекламы, получила приличный куш и забыла. Это называется бизнесом. Говорят, что деньги не пахнут, и мало запретных способов их зарабатывания.

Если представить, что она сейчас появится здесь, пройдёт мимо, мы её и не узнаем. Теперь она живёт спокойно, а некая сумма долларов позволяет жить без угрызений совести.

В зависимости от того, насколько модель востребована, «раскручена», как теперь говорят, она может вполне купить себе какой-нибудь банановый остров, комфортабельную яхту, и отправиться в свой маленький рай или в кругосвет-

ное путешествие. Это тебе не «парус одинокий в тумане моря голубом...» Ей никакие шторма не страшны.

В мире существуют целые индустрии, которые зарабатывают с помощью женского и мужского тела миллиарды долларов.

Есть ещё и грязные способы получения денег – порнография, проституция. Тысячи женщин и мужчин даже не задумываются об этике, порядочности. Такие нынче времена. Это есть обратная сторона современной жизни.

Лермонтов, слушая эту информацию, как-то сник, задумался, ему непривычно было говорить на подобные темы.

Подшли к центральной площади. Мощный фонтан вырывался прямо из плоскости бетона, струи взлетали с шумом высоко, затем медленно падали.

Михаил устремился к этому чуду, но споткнулся о большую пластмассовую детскую машинку. Рядом с ней стояла маленькая девочка с косичками и её симпатичная мамаша.

– Извините!

– Осторожней, молодой человек!

Девочка, как ни в чём не бывало, села за руль и покатила вперёд.

– Что это? Как здорово!

– Это прокат игрушек для детей. Вон сколько разных самокатов, машин. Смотри, паровозик тянет по площади вагончики.

В наше время уже редко встретишь гужевой транспорт,

но здесь иногда какой-то казак возит детишек за плату на небольшой расписной карете.

Есть известная цитата писателей-сатириков Ильфа и Петрова: «Железный конь пришёл на смену крестьянской лошадке».

Теперь даже дети легко катаются на всяких машинках, велосипедах, самокатах.

– Взрослые тоже катаются, и не только на больших, серьезных машинах, но, вспомнив детство, гоняют на электросамокатах. Видишь, Миша, вон стоят в ряд двухколёсные электрические самокаты, хочешь, прокатимся? Я буду рядом, покажу, – спросил Андрей.

– Что ты! Как можно на этом кататься?

Но, словно на демонстрации, подросток лет одиннадцати промчался мимо них, выписывая круги и восьмёрки, потом понёсся вокруг фонтана.

Дети у водных струй визжали от удовольствия, бегая почти нагишом и мокрыми с ног до головы.

Рядом стояли и следили за своими чадами мамы и бабушки, не препятствуя шалостям своих питомцев.

– Как они свободны! Вижу положительные моменты прогресса, у меня появился оптимизм – есть хорошее и в современном мире.

Тут Михаил увидел афиши на здании концертного зала:

– Театральная жизнь не заглохла? Музыка, спектакли...

– Да, на любимый спектакль, на любого артиста можно

сходить. Думаю, мы могли бы совершить культпоход в театр. Может, сегодня вечером?

– Посмотрим, – как-то без энтузиазма отозвался Станислав.

Они подошли к другому фонтану у входа в парк через Колоннаду.

– И здесь красиво! Вон ещё фонтан, а за ним рестораны, кафе.

– Да, этого добра тут хватает, – подтвердил Стас.

Есть ресторан «Шаляпин», – он показал на здание, стоящее в парке у площади. – Это заведение носит имя знаменитого русского баса – Фёдора Ивановича Шаляпина. Там находится концертный зал, где проходят гастролы популярных артистов.

До революции Шаляпин часто давал концерты на Кавказских Минеральных Водах. Жил по долгу на собственной даче в Кисловодске, там теперь проводят шаляпинские вечера.

Он, к сожалению, не поверил новой власти, эмигрировал Европу.

– Ты упомянул Кисловодск! Хочу побывать там!

– Непременно побываем. И в Пятигорске, и в Железноводске. Пройдём, так сказать, по местам «боевой славы», то есть, по тем местам, где бывал ты. И даже больше...

– А здесь на Ессентукском курорте Шаляпин снимал апартаменты в гостинице «Маяк», вот она напротив, правда, не функционирует сейчас.

Станислав рассказал известную историю о том, как певец потряс своим мощным басом округу. На его голос мгновенно набежали зрители, но он отдал всю выручку бедняку.

Они вошли в старинное здание с красивым интерьером внутри, с цветными окнами источника №17. Попробовали минеральную воду.

Прошли к бювету источника №4.

Как опытный гид, Станислав рассказал историю создания парка. Поведал о знаменитой механотерапии, щелочных источниках, ныне не действующих, но имеющих статус федерального памятника, не забыл и о забавной скульптуре – мужичке, сидящем с кувшином. Скульптор почему-то изобразил не казака, хотя именно казаки являются первооткрывателями кислых источников в годы, когда Михаил был ещё ребёнком.

– А помнишь, Мишель, станицу Ессентукскую того времени? – спросил Андрей.

– Помню. Это был посёлок с несколькими десятками глинобитных домишек, пересекаемый пыльной просёлочной дорогой.

Станицу возвели раньше, возле небольшой речки, не помню, как она называется...

– Бугунта. А дальше, на выезде из станицы, протекает речушка Ессентучок, давшая имя редуту и станице.

– Вот-вот. Я проезжал эти места. Задерживаться здесь не было смысла. Не имелось даже приличного постоянного дво-

ра.

Они отправились вглубь парка. Присели на лавочке в тени.

По главной аллее проходили отдыхающие. Словно на подиуме, гулял народ в пёстрых одеждах, солнцезащитных очках, шортах, соломенных шляпах.

Послышалась скрипичная музыка.

Станислав пояснил:

– Это уличный скрипач Яша зарабатывает себе на жизнь.

До них доносились мелодии из популярных фильмов, оперетт, шлягеры разных лет.

Стояло благодатное время позднего лета. Лёгкая истома тёплого утра постепенно обволакивала тела, наводнившие курортный парк. Деревья давали желанную тень перед начинающим свирепеть солнцем, и даже разговоры ещё не так утомляли собеседников.

Фланирующие курортные дамы невольно обращали на себя внимание мужчин, словно нечаянно бросающие оценивающие взгляды на их прелести...

– В наше время всё это подавалось также охотно, но не так откровенно, – заметил Михаил. – Прогресс изменил моды, а интересы крутятся вокруг всё тех же ценностей. И вся эта мишура только для того, чтобы завязать новые отношения.

Забыли пушкинское – «учитесь властвовать собой». Предлагают себя, словно товар на необъятном рынке.

Друзья на сегодня приодели Лермонтова соответственно

новому времени. Для этого подключили друзей, что-то купили, и вскоре у Михаила собрался небольшой гардероб.

Он сбрил усы, ему предложили надеть модное кепи и очки, кроссовки и шорты.

Трудно было распознать известного поэта.

Приятели остановились у свободной лавочки и разложили свои авторские книги на продажу. Между делом разговор пошёл о творчестве, о возможности издавать свои творения, о полиграфии, реализации книг и о писательской кухне, интересной разве что этой троице.

Но вдруг тема сменилась.

– Хочь спросить, – обратился Станислав к Лермонтову, – почему ты не включил в свой первый сборник стихотворение «Белеет парус одинокий»? Неужели оно показалось тебе недостойным или не совершенным?

Михаил молчал недолго.

– Были сомнения в этой связи с этическими нормами.

Нечто похожее с этой строкой было уже написано Бестужевым в его «Андрее, князе Переяславском». Речь там идет о челноке, застигнутом разбушевавшимся Дунаем:

*«Но вот ярящимся Дунаем,
То видим, то опять скрываем,
Ловец плывет на челноке.
Белеет парус одинокий
Как лебединое крыло...»*

Меня привлёк или, как у вас теперь говорят, «зацепил» мощнейший образ паруса, одиноко белеющего в морской пучине. Я буквально ощутил себя этим парусом, и выплеснул стихотворение на бумагу. Но, готовя к изданию, подумал, что кто-то может решить, что я заимствовал образ.

– Тогда не было понятия авторских прав.

– И не было столько пишущих... Но не скинешь со счетов этику и честь. Всего одна лишь строка...

Вам ли объяснять, что для поэта важна чаще всего первая строка, как правило, определяющая, задающая ритм, тему, настроение стихотворения.

И эта строчка сидела во мне долго, в конце концов, я не смог побороть искушения и не жалею.

Это стихотворение своего рода переломный момент в моем созревании от юношества к более зрелому периоду. От проб и ошибок, подобных эротическим поэмам с сомнительной ценностью, что были в раннем периоде.

Позже я обратился к вечным ценностям, к истинной поэзии, это проявилось в поэмах «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Песня про купца Калашникова», «Дума», «Маскарад», «Мцыри», «Демон». И, конечно, «Смерть поэта», «Бородино».

– В наше время действует авторское право, но у многих атрофирована честь и достоинство, – с горечью заметил Станислав. – У меня воровали стихи, я случайно обнаружил как-то у одного автора в его сборнике.

Призвать воришку к ответу практически невозможно. Даже, если докажешь через суд, что это твоё, то компенсация будет мизерной или получишь формальное извинение. Больше затратишь на судебные издержки.

Издать книгу сейчас не проблема, но что делать дальше без поддержки мощных издательств, рекламы. Вот и сидим здесь на лавочке, как та бабулька, что торгует семечками.

– Незавидна участь поэтов во все времена, – заметил Михаил. Пишущих у вас много. В наше время, каждый – штучный талант.

– Ты прав, Михаил. С одной стороны, хорошо, что творчество шагнуло в массы, с другой – страдает качество самих произведений. Зачастую попадается, особенно в интернете, низкопробное стихоплётство, к тому же зачастую страдает грамотность, что снижает общую планку литературного ремесла как такового и сильно усложняет выживание истинных художников слова в современных условиях. Интернет нивелировал всех. «Кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку», так говаривал ещё баснописец Крылов. Вот эти петухи и кукарекают на весь свет, за ними не расслышишь соловьиного пения.

Вдруг Михаил потемнел лицом, глядя в сторону верхней части аллеи. Вскочил и протянул руку в направлении, где виднелись задворки строения Николаевских Верхних ванн. Как ужаленный, сорвался и помчался в противоположную сторону, петляя меж деревьев.

– Михаил, стой! – воскликнул Андрей, бросившись за ним. Минуты три гнался, наконец, настиг беглеца, схватив за руку. – Миша, что с тобой?!

Тот дёрнулся, потом сел на траву, глубоко дыша и дико вращая глазами.

– Да что случилось, ты можешь мне сказать?

– Я видел – там... в меня целился из пистолета Мартынов!

– Что ты говоришь? Чушь какая-то, откуда!

– Из-за дерева.

– Не может быть!

Хотя... Если мне память не изменяет, мы видели его ещё тогда, на поляне. Сцена дуэли... И мне показалось, что он и высокий господин скрылись в кустах.

Этот эпизод выпал из памяти, я почти забыл о нём. Но потом всё же было нормально! Но как это может быть? Это похоже на бред, если бы я сам не был свидетелем того вечера и твоего чудесного появления.

Подоспел Стас, тяжело дыша, спросил: «Что случилось?»

– Всё нормально, возможно, Мише показалось...

– Да что показалось?

– Мартынов. Ты помнишь – на месте дуэли Михаил был не один? Но сейчас лучше об этом не говорить.

– Я что-то видел, но толком ничего не понял. Ладно, что гадать, надо было не бежать, а крикнуть, обратить внимание на этого типа. Мы знаем, что Михаил не из робкого десятка, просто безотчетно сработал инстинкт самосохранения.

Они вернулись на прежнее место.

– Видишь, – обратился Андрей к Михаилу, – там никого нет. Дважды не умирают от одного подонка...

Внимание отвлекла спустившаяся с дерева белка. Её тут же заметили проходящие любители милых созданий и стали предлагать семечки, орехи. Белка осторожно, но с достоинством, брала цепкими лапками с бордюра лакомства и живо расправлялась с ними, благодарно поглядывая по сторонам чёрными бусинками глаз.

– Надо же, – улыбнулся поэт, забыв о только что случившемся, – я тоже хочу угостить милашку.

Он попросил даму с кульком отсыпать немного семечек. И тут же пристроился в очередь. Когда он присел и протянул руку, белка неожиданно скакнула ему на руку.

Михаил сморщился от боли, но руку не отдёрнул. Когти зверька впились в ладонь, он мужественно терпел, пока рыжая бестия не рассовала за щёки семечки, и не спрыгнула.

Подошла женщина, с ней – симпатичная миниатюрная девушка.

– Какое очарование! – воскликнула девушка, – мама, у нас в сумке были грецкие орехи, давай угостим белочку!

Когда она протянула руку с дольками ореха, Михаил остерег её:

– Сударыня, лучше высыпать орехи на бордюр, белка может причинить вам боль. – Он показал руку, на которой проступили капли крови, словно спелые ягоды калины – следы

лесной гостью.

У девушки расширились глаза:

– Вам срочно нужна помощь, это может быть опасно, я вам говорю как дипломированный медик!

Положив орехи на бордюр, извлекла из сумочки набор первой помощи. Промокнула тампоном кровь на руке Михаила, смазала ранки зелёной и заклеила пластырем.

– Благодарю, – произнёс поэт, – я ваш должник! Разрешите представиться – Михаил. Могу я узнать ваше имя?

– Джульетта, – ответила незнакомка.

Видя недоверие в глазах Михаила, заверила: «Правда, правда! Так назвала меня мама, Елизавета Романовна, мама, подтверди!

– Да, молодой человек, верно, – откликнулась мать. – В юности мне нравилось это имя, читала в детстве книжку, смотрела кино, меня потрясла история Ромео и Джульетты...

Когда родилась дочурка, назвала Юлией, но снова увидела фильм о юной красавице. Хотела, чтобы дочка была похожа на неё красотой, но не желала бы ей такой участи...

Надеюсь, она найдёт себе достойную партию, со счастливым, нет, не концом, а чтобы любовь была такой фантастической!

– Безусловно, у такой романтической мамы так и будет, потому что она очаровательна и заслуживает, по меньшей мере, принца! – слегка волнуясь, произнёс Михаил.

Недавняя студентка растерянно молчала.

Осмелев, Михаил решил продолжить беседу:

– Елизавета Романовна, Джульетта, это – мои друзья: Станислав и Андрей.

Извините, если вы не спешите, я бы хотел предложить вам, например, посидеть где-нибудь в тенечке, познакомиться поближе...

Станислав украдкой глянул на Андрея, как бы говоря: «Быстро поручик освоился...»

Андрей поддержал Лермонтова:

– А почему бы нам вместе не отведать мороженого? Уже довольно жарко, может, пригласим наших знакомых в ближайшее кафе?

Елизавета Романовна улыбнулась:

– Не знаю. Вы не торопитесь, молодые люди? Но если вы настаиваете...

Мы-то живём в Пятигорске, вот заглянули в Ессентуки, погода хорошая, решили прогуляться...

Стас поддержал:

– Отлично! Вас пригласил Михаил. А мы его друзья, если вы не против, мы пойдём с вами.

Кстати, насчёт друзей, чтобы окончательно развеять возможные сомнения насчет наших намерений, могу рекомендовать: Андрей Александрович Белавин, – указал он на друга, меня величают Станиславом Николаевичем, фамилия – Коняев. Я, как Михаил Евгеньевич Ермин, как Андрей Александрович – мы творческие люди.

Переговариваясь, они шли по аллее, и вскоре вышли из парка. Справа было кафе «Семейное». Напротив – уже известное – «Шаляпин» и кофейня «Паваротти».

– Отличная компания Шаляпин, Паваротти... – рассмеялся Андрей, – нужно выбирать. Я был как-то в «Семейном», там подают вкуснейшее мороженное, можно не спеша побеседовать на летней веранде.

Они прошли через зал кафе сразу на веранду, сев за столики под массивными зонтиками.

Общаясь, дамы вскоре узнали, что друзья – поэты, это воодушевило мать и дочь, к поэзии обе питали интерес, и попросили, пока принесут заказ, почитать стихи.

– Свои не рискую читать, – сказал, улыбаясь, Михаил, – но люблю творчество Лермонтова, могу декламировать бесконечно. А друзья пусть вас ублажают собственными творениями.

– И я люблю творчество Лермонтова, – подхватила Джульетта. – О Кавказе, по-моему, лучше никто и не написал.

– Ты – максималистка, дочка, зачем обижать новых друзей? Поэзия, как и любое творчество, сугубо индивидуальное дело. Думаю, всем места хватит на Парнасе, а мы, согласно признанию Пушкина, «живём на склонах оного, у горы Бештау».

– Простите, – покраснела Джульетта, – не хотела никого обидеть, с Лермонтовым я ощущаю словно некую мистическую связь, мне близка его поэзия как никакая другая...

Михаил побледнел. Андрей, заметив это, наклонился к нему и спросил шёпотом:

– С тобой все в порядке?

– Да, Андрюша. – И, обращаясь к девушке, промолвил уже громко, – мистика какая-то, мы с Джули, можно я вас буду так называть? – обратился он к девушке, – оказывается, очень схожи во вкусах...

Дальше разговор не клеился. Инициативу подхватил Станислав, он затронул любимую тему о том, что в наше время люди всё меньше читают, особенно молодое поколение.

Андрей поморщился, заметив ему, что дамам это может быть не интересно.

Михаил просто начал читать стихи. Прежде объявил, что ему вспомнился Байрон. Еще сказал, что будет читать на языке оригинала. Стихи о любви он прочел чувственно и энергично, потом в переводе:

Ты плачешь³ – светятся слезой

Ресницы синих глаз.

Фиалка, полная росой,

Роняет свой алмаз.

Ты улыбнулась – пред тобой

Сапфира блеск погас:

Его затмил огонь живой,

Сиянье синих глаз.

Вечерних облаков кайма

³ Источник: <https://poemata.ru/poets/bayron-dzhordzh/ty-plachesh/>

*Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.
Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд:
Пусть погас последний луч –
В душе горит закат.*

Вдруг перешёл на немецкий, стал декламировать Гёте:
*Помню, как она глядела...⁴
Помню губы, руки, грудь –
Сердце помнит –
помнит тело
Не забыть.
И не вернуть.
Но она была, была!
Да, была! Все это было:
Мимоходом обняла –
И всю жизнь переменяла.*

Читал наизусть шутя, легко, войдя, что называется, в раж.
Друзья слушали и удивлялись.

Им не находилось места в этом блистательном монологе.
Под конец Михаил прочитал своё стихотворение о Кавказе,
разумеется, сказав, что это всем известные стихи Лермонто-

⁴ Источник: <https://poemata.ru/poets/gete-iogann/pomnyu-kak-ona-glyadela/>

ва.

– Вы так образованы, столь углублённо знаете литературу, языки, но в жизненных вопросах, по-моему, немного теряетесь, – осторожно заметила Елизавета Романовна. – Кто вы по профессии?

Михаил смутился, он не ожидал этого вопроса. Видя его замешательство, Андрей поспешил на помощь:

– Миша – гуманитарий, он сейчас в творческом поиске. Служил офицером, но комиссован. Здоровье поправляет у нас на водах, как Пушкин и Лермонтов в их бытность.

– Да, и еще я ищу работу. Думаю, обосноваться на Кавказе, пойти на преподавательскую или переводческую работу.

Знаю четыре языка, могу преподавать историю, литературу.

А вы, Джули, чем занимаетесь? – любопытствовал Михаил.

– Я только окончила медицинский институт. Буду лечить детишек.

Михаил с удовлетворением отметил про себя, что и это известие ему по душе, а вслух произнес:

– Прекрасно! Я счастлив, сегодня у меня удачный, можно сказать, судьбоносный день.

Станислав и Андрей переглянулись. Необычное его поведение, это проявление стихотворной страсти! Такого за ним все это время не наблюдалось, неужели их новый друг влю-

бился?

Это с одной стороны радовало, но и тревожило: новый зигзаг фортуны, что из этого выйдет? Хотя в этом не чувствовалось пока ничего плохого.

Время в кафе пролетело незаметно. Пора уходить. Андрей со Стасом замешкались, Елизавета Романовна отошла к зеркалу, Михаил и Джули вместе вышли из кафе.

Ему вдруг захотелось договориться с ней о следующей встрече. Он и сам уже понял, что влюбился сразу и, что называется, с первого взгляда.

Джули, своим ангельским видом располагала к откровенности, и он решился, будь, что будет! Вспомнил Шекспира и мысленно процитировал: «...пока смерть не разлучит нас!»

– Джули, вы так восхитительны, мне бы хотелось вам столько сказать... Мы могли бы встретиться ещё?

Она потупила глаза и тихо произнесла:

– Я ещё ни с кем не встречалась...

А вы приезжайте к нам в Пятигорск. Мы можем побродить по городу, в парке.

– Отлично! Я прибыл в Ессентуки недавно, нигде еще не был, хочу побродить по лермонтовским местам, которые мечтал увидеть воочию. Грот Дианы, домик под камышовой крышей гора Горячая.

– Вы с друзьями приедете?

– Не знаю, без них мне пока трудно ориентироваться, если только вы возьмете на себя миссию гида...

А вот и они! Станислав, Андрей, Елизавета Романовна, мы тут с Джули договорились о встрече в Пятигорске, хочу чтобы она показала мне достопримечательности. Как вам эта идея?

Андрей глянул на Стаса, тот промолчал. Тогда он сказал:
– Если не против, я с удовольствием составлю вам компанию. В ближайшее воскресенье месяца поэты собираются в доме Алябьева на заседании литобъединения «Слово».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.